

УДК 811.161.1'373.23+392.14+392.143+279.99(470.53)+908(470.53)“1855/1930”
doi 10.17072/2073-6681-2024-3-50-61
<https://elibrary.ru/yuryww>

EDN YURYWW

Южноприкамская традиция имянаречения у пермских старообрядцев и единоверцев второй половины XIX – первой трети XX века

Запольских Евгения Владимировна
соискатель кафедры общего языкознания,
русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 24. zapolskih.ev@mail.ru

SPIN-код: 7189-1816

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1926-559X>*Статья поступила в редакцию 19.01.2024**Одобрена после рецензирования 25.03.2024**Принята к публикации 17.07.2024*

Информация для цитирования

Запольских Е. В. Южноприкамская традиция имянаречения у пермских старообрядцев и единоверцев второй половины XIX – первой трети XX века // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 3. С. 50–61. doi 10.17072/2073-6681-2024-3-50-61

Аннотация. Статья посвящена изучению традиции имянаречения у пермских старообрядцев и единоверцев второй половины XIX – первой трети XX в., которые проживали в верховьях реки Буй и ее притоков, что соответствует территории современного Куединского района на юге Пермского края. Материалом исследования стали записи о рождении в метрических книгах из старообрядческой церкви в селе Земплагаш и из единоверческих церквей в селах Верх-Буй и Старый Шагирт. Анализ был направлен на выявление сходства и различия в этих традициях. Установлено, что для обеих групп характерно раннее крещение на 3/4-й день с наречением именем (совершалось лицом в духовном сане), выбор имени с опорой на святцы (называли по имени святого, почитаемого на 8-й день по рождению). Вместе с тем старообрядцы Земплагашской общины практиковали крещение с наречением на 8-й день по рождению, а также могли назвать в честь святого, чьи именины стояли за 7–8 дней до рождения, что было частью русской традиции имянаречения еще с дораскольных времен. Анализ антропонимии выявил, что единоверческие священники пользовались также «никонианским» календарем, на что указывают наречения в честь постраскольных святых, выбор канонических форм имен «никонианского» календаря, а также малая доля народных форм, поскольку для старообрядцев того времени характерна вариативная запись имен в метрике. В Земплагашской общине доля народных форм имен оказалась значительно выше, а их происхождение находит свои связи с временами «до раскола», что мотивируется значимой для старообрядчества идеей связи времен. Случаи наречения модными именами в обход календарного принципа, встретившиеся в советский период, показывают как гибкость их антропонимической системы, так и ее устойчивость, поскольку все модные имена были традиционным агнонимами из святцев.

Ключевые слова: старообрядцы; единоверцы; региональная русская антропонимика Южного Прикамья; традиция имянаречения; метрические книги; святцы; дораскольный календарь.

Введение

Традиция имянаречения является областью изучения разных наук: истории, этнографии, культурологии, антропоники и др., поскольку одновременно в ней отражается история и культура народа, его религиозные представления и лингвистические характеристики антропонимов. Исследование традиций имянаречения старообрядцев и единоверцев невозможно без погружения в историю раскола и единоверия, без установления особенностей их религиозных воззрений и традиций. Старообрядцы – это особая конфессиональная группа, отделившаяся от Русской православной церкви в ходе церковных реформ патриарха Никона в XVII в., а единоверцы – это конфессиональная подгруппа, выделившаяся из старообрядцев в конце XVIII в. в результате «примирения» с Русской православной церковью. Таким образом, имянаречение у старообрядцев и единоверцев – это две отдельные части старообрядческой традиции, которые необходимо рассматривать в сравнении с учетом их исторических и религиозных особенностей.

Исследования средневековой русской традиции имянаречения обобщены в работе Л. П. Горюшкиной [Горюшкина 2017]. Традиции имянаречения старообрядцев освещены в этнографических исследованиях XX–XXI вв. [Бломквист, Гринкова 1930; Ваганова 2015; Виноградов 2009; Иванец 1992; Плотникова 2019], показавших взаимосвязь пола, дня рождения и имени нареченного. Исследователи региональной антропоники старообрядцев XIX–XX вв. [Боровик 2019; Кузнецова 2006; Муратова 1994; Назаров 2009] усматривают меньше таких взаимосвязей. Традиции имянаречения старообрядцев севера Пермского края зафиксированы в «Очерках этнографии северноуральского крестьянства XVII–XX вв.» [На путях... 1989]. «Обозрение пермского раскола» (Палладий) описывает имянаречение у староверов в Пермской губернии середины XIX в. с позиции обличения старообрядца. На основе данных метрических книг XIX – начала XX в. рассматривается традиция имянаречения прикамских старообрядцев по ареалу их проживания и роду занятий: у крестьян севера, Среднего Прикамья и у мастеровых заводских поселений [Запольских 2020, 2021, 2023]. Данное исследование «дорисовывает» карту распространения старообрядческих традиций имянаречения на территории Пермского края – рассматривается традиция старообрядцев и единоверцев Южного Прикамья (сел Земплагаш, Верх-Буй, Старый Шагирт и пр., ныне Куединский р-н).

Материал исследования – записи о рождении из метрических книг старообрядческой церкви в

селе Земплагаш за 1908–1930 гг. (ГАПК, Ф. 719. Оп. 8. Д. 720) и единоверческих церквей в селах Верх-Буй за 1870–1918 гг. (ГАПК, Ф. 37. Оп. 6. Д. 672, 679; Ф. 719. Оп. 8. Д. 642, 729) и Старый Шагирт за 1855–1887 гг. (ГАПК, Ф. 37. Оп. 1. Д. 569, 571; Ф. 37. Оп. 2. Д. 419; Ф. 37. Оп. 6. Д. 672; Ф. 719. Оп. 8. Д. 628). Общий период исследования – 75 лет: 1855–1930 гг. Количество имен, извлеченных из метрик, – 1523 (всего имен с повторами), из которых 577 – из Земплагашской старообрядческой общины (далее – СО), 632 – из Верх-Буевской единоверческой церкви (далее – ЕЦ) и 314 – из Шагиртской ЕЦ. Общий именник (без повторов) составил 164 мужских имени и 86 женских имен. География исследования по административному делению конца XIX в. соответствует Осинскому уезду Пермской губернии с концентрацией по волостям: Верх-Буевской (74 %), Аряжской (16 %), Савинской (5 %), Больше-Усинской (4 %) и пр.

Формирование групп старообрядцев и единоверцев Куединского района

Ядро исследуемых старообрядцев проживало в верховьях р. Буй и ее притоков (р. Ирмиза, Шагирт, Сава), что вместе с прилегающими областями в старину называлось Осинской Башкирией, поскольку исторически эти пограничные земли были связаны с северными территориями Башкортостана [Черных 2002: 95]. Некогда башкирские пустошавшие уголья в конце XVIII в. встретили русских переселенцев с территории современной Удмуртии [там же: 66]. Среди них были и старообрядцы, которые переселялись в эти целинные земли, в том числе в стремлении оградить свою веру от преследований господствующей церкви и государства, руки которых пока с трудом дотягивались до малозаселенного пограничья. Первые русские деревни в верховьях р. Буй (Старый Шагирт, Нижняя Сава) были основаны удельными крестьянами Сарапульского уезда Вятской губернии (современной Удмуртии). Другая часть этого потока шла из близких к вятской границе волостей Пермской губернии – Дубровской, Сайгатской [там же: 66, 90, Палладий: 23–24]. Старообрядческие часовни и моленные в пермских деревнях и селах (Сайгатка, Букор, Дуброво, Аманеево, Альняш) с левобережья Камы и границы с Вятской губернией цепочкой протянулись до верх-буевских земель (с. Ошья, Старый Шагирт) (Палладий: 25). А. В. Черных выделяет среди населения Юга Прикамья «юго-западную группу русских» и называет ее «старообрядческой», поскольку именно здесь в середине XIX в. полыхал самый большой очаг раскола во всей Пермской губернии [Черных 2002: 90].

Антропонимия изучаемых старообрядцев отвечает на вопрос о происхождении другого потока переселенцев в верх-буевские земли. Многие из их фамилий встречаются также в метриках старообрядцев севера Пермского края XIX – начала XX в., проживавших в Чердынском уезде (ГАПК, Ф. 719. Оп. 11. Д. 16, 17, 39, 45, 46, 52, 53а, 54, 80, 93а, 111, 115, 119, 142, 146, 152, 189, 266, 357): *Бурмантовы/Бурмонтовы, Васюковы, Давыдовы, Кетовы, Копытовы, Кузнецовы, Мальцевы, Мелкомуковы, Миковы, Пономаревы, Собенины/Собянины, Спирины, Усанины, Чагины*. Большинство этих фамилий также известны как самые распространенные на севере Пермского края (см.: (Краснова)). Кроме того, на чердынское происхождение указывает их ойконимия: дер. *Малая Тапья* в записях фигурирует также как *Чердынская Тапья* – по месту выхода ее первопоселенцев («чердынская» – то есть населенная чердынцами); дер. *Байдары* с населявшими ее *Байдаровыми* (есть и в Чердынском уезде (Шумилов: 13)), дер. *Пильва* (одноименная река в Чердынском уезде).

На северное происхождение и старообрядческое вероисповедание «верх-буевской группы русских», первопоселенцы которой в начале XIX в. появились в Верх-Буевской и Аряжской волостях, указывает А. В. Черных. Он приводит их местное название – «чердаки», то есть выходцы из Чердынского уезда [Черных 2002: 67, 92]. Пометки о родителях нареченного в метриках «проживающие на родине» (с указанием местной деревни) также согласуются с возрастом этого потока переселенцев: чердаки-староверы, бывшие государственные крестьяне, это уже далеко не первое поколение пермских староверов на юге края.

Северноприкамские старообрядцы упомянутых фамилий (родственники/односельчане южноприкамских староверов) в своем большинстве принадлежали к согласию *поморцев-беспоповцев*, то есть не приемлющих священства, в то время как Земпьягашская СО состояла в *австрийском согласии*, в котором священство, напротив, было. Переход из согласия в согласие был нередким в старообрядческой среде, поэтому мы можем предполагать его и у чердынских переселенцев «верх-буевской группы». Австрийское согласие, возникшее в середине XIX в. и распространявшееся по территории Пермской губернии, могло прийти в изучаемый район вместе с более поздним миграционным потоком, либо через заходящих «расколоучителей», либо в результате соседских контактов: «верх-буевская группа русских» соседствовала с «юго-западной», в которой в конце XIX в. уже были общины австрийского согласия [там же: 90–91].

Свидетельства позднего потока переселенцев в верховья р. Буй и ее притоков из Вятской губернии второй половины XIX – начала XX в. [там же: 68] мы находим в метриках. К примеру, родители Марины и Ефросинии Судьевых (1908 и 1910 г.р.) записаны как «крестьяне Вятской губернии» (современной Удмуртии), но «проживающие в <...> Аряжской волости Осинского уезда», при этом принадлежащие к «белокриничкой ерархии» (по месту возникновения австрийского согласия – в с. Белая Криница), то есть старообрядцы-австрийцы из Удмуртии, проживающие здесь в первом поколении.

Таким образом, мы имеем дело с именами старообрядцев верховьев р. Буй и ее притоков, бывших государственных и удельных крестьян, чье происхождение связано с пермским севером и удмуртской землей. Земпьягашская СО имела свою церковь в с. Земпьягаш – храм Св. Николы Чудотворца, а единоверцы – единоверческие церкви: Иоанно-Богословскую в с. Верх-Буй и Вознесенскую в с. Старый Шагирт. Они шли разными путями сохранения старой веры: австрийцы установили собственное священство, а единоверцы приняли священство господствующей церкви. Компромисс, на который пошли старообрядцы, перешедшие в единоверие, поставил их в неоднозначное положение. Староверы стали считать их «никонианами», в то время как «никониане» называли их «полураскольниками» [Быковский 1906: 83]. В некоторых приходах переходящих в единоверие старообрядцев просили подписывать отказ от раскола: «вразумленный священником <...> сим изъявляю искреннее свое желание оставить душепагубный раскол и присоединиться к Св. Единоверческой церкви» (ГАПК, Ф. 37. Оп. 4. Д. 84). Однако зачастую переход в единоверие был лишь формальностью ради обретения священства. Как писали епископы XIX в., «единоверцы <...> гнушаются обрядами, принимаемыми православной Церковью» и «еще не пришли в вожденное единение духа с господствующею православною Церковью» [там же]. Ввиду этого единоверцы – это подгруппа старообрядчества, пограничная как для него самого, так и для Православной церкви, требующая отдельного рассмотрения своих традиций имянаречения.

Традиции имянаречения у старообрядцев и единоверцев Куединского района

Говоря об имянаречении у австрийцев и единоверцев Южного Прикамья, можно выделить как сходства, так и различия в их традициях. Главным сходством является то, что имянаречение у них не обходилось без крещения, в отличие, например, от осинских беспоповцев Кам-

барского завода, которые не спешили креститься раньше 30 лет (Палладий: 121), или в отличие от староверов из согласия странников, прибегавших к крещению только в случае угрозы жизни либо на склоне лет [На путях... 1989: 269]. Тайнство крещения у южноприкамских австрийцев и единоверцев совершал не мирянин, как это было заведено у поморцев-беспоповцев Северного Прикамья (крестила повивальная бабка) [Запольских 2021: 221] или часовенных Среднего Прикамья (крестил наставник общины) [Запольских 2023: 148], а лицо в духовном сане – священноиерей Белокриницкой иерархии или священник Православной церкви. Крестили детей, как правило, со 2-го дня от рождения и по 8-й день. При этом максимальное число крещений зафиксировано на 3-й день по рождении у единоверцев Верх-Буевской (22 %) и Шагиртской ЕЦ (20 %) и на 4-й день по рождении у австрийцев Земплярской СО (14 %). Такое раннее крещение было в обычае и у православных Пермской губернии того времени, которые крестили новорожденных «после трех бань» [На путях... 1989: 269]. Стремление крестить ребенка почти сразу было продиктовано народными представлениями об охранительной силе крещения, которое отводит «порчу» и «сглаз» [там же: 271], и опасениями, что ребенок может умереть некрещеным, поскольку младенческая смертность была высокой.

Вместе с тем у австрийцев выделяется и другой обычай – крещение на 8-й день по рождении (13 %). Это связано с библейской историей об Обрезании Господнем, которое было совершено на 8-й день по рождении с наречением именем. Иоанн Дамаскин напрямую называл ветхозаветную традицию обрезания «образом» новозаветного крещения (Иоанн Дамаскин: 331). И здесь мы сталкиваемся с принципом 8-го дня как краеугольного камня календарной закономерности и в крещении, и в выборе имени. Этим принципом, как считают многие исследователи, традиционно руководствовались на Руси [Горюшкина 2017: 50–51]. Его древность засвидетельствована в послании (1419 г.) митрополита Киевского и всея Руси Фотия: «нарчеть имя рождшемуся младенцу въ 8 день, приемя имя; и потомъ, егда изволят родителя его, и крестятъ того» (РИБ: 416). Тот же обычай упоминает житие (конец XI в.) преподобного Феодосия Печерского: «въ осмый днь <...> якоже обычай есть крестияномъ, да имя дѣтищу нарекутъ» (ПлДР: 306). Требники, изданные в период после раскола (РГБ, МК Кир. 8, № 50-15659691, 50-15633181, 50-15230753, 50-8400390, 50-6051832, 50-6050742) и накануне раскола (там же, МК Кир. 8, № 50-7492612, МК Кир. 2, № 50-7491590), содержат молитву «о наречении именем в 8-й день по рождении»,

а также примечание о том, что при слабости или болезни новорожденного не подобает ждать 6-го или 8-го дня для крещения, а крестить сразу. Такая рекомендация наводит на мысль о том, что многие именно ждали, чтобы совместить имянаречение с крещением. Таким образом, можно заключить, что обычай нарекать именем на 8-й день сложился на Руси еще до раскола, зачастую совмещался с крещением, которое могли совершать и в другой день по выбору родителей, поскольку строгих предписаний на то не имелось.

Требники 1623 и 1651 гг. (РГБ, МК Кир. 4, № 50-7487101, МК Кир. 2, № 50-6043104) указывают на то, как именно нарекать младенца – «во осмый днь стѣго, или како прилучитса», то есть именем святого, почитаемого на 8-й день по рождении, или каким получится. Как видим, взаимосвязь 8-го дня наречения и именин 8-го дня в дораскольные времена уже сформировалась. Помимо Земплярской СО, наречение по именинам 8-го дня по рождении с крещением в тот же день было выявлено у севернопермских староверов Голяшевской СО [Запольских 2021: 222], а также у поморцев Симбирско-Ульяновского Поволжья [Виноградов 2009: 122]. Наречение по именинам 8-го дня по рождении отмечено у староверов Алтая [Бломквист, Гринкова 1930: 30–31], у старообрядцев Пермского края в целом, а также у старообрядцев из Беларуси и Польши – при наречении мальчиков [Муратова 1994: 10–11; Иванец 1992: 263]. У единоверцев Южного Прикамья также преобладало наречение по именинам 8-го дня по рождении: у 30 % в Шагиртской и 18 % в Верх-Буевской ЕЦ. Однако наибольшая строгость в соблюдении этого принципа наблюдается в Земплярской СО – 37 %. При этом более скрупулезно именины 8-го дня высчитывали при выборе имени мальчикам (66 % мальчиков), чем девочкам (15 % девочек). Важность именин 8-го дня для «поповцев» Осинского уезда подчеркивает архимандрит Палладий, говоря, что те «перекрещивают младенцев, крещенных правосл. священниками, дают им другое имя, если оно не соответствует осьмому дню по рождении младенца» (Палладий: 156).

Наречение по именинам дня рождения, что ряд исследователей также считает традиционным для средневековой Руси [Горюшкина 2017: 50–51], было характерно только для единоверцев Шагиртской ЕЦ, причем лишь в отношении девочек (8 % девочек). Эта традиция соблюдалась не очень последовательно, поскольку принцип 8-го дня был преобладающим (15 % девочек). Также только при наречении девочек на именины дня рождения смотрели часовенные Среднего Прикамья [Запольских 2023: 148] и старообряд-

цы Польши [Иванец 1992: 263]. Негендерной такая традиция была у старообрядцев латвийской Латгалии [Плотникова 2019: 54–55], а также у пермских заводских старообрядцев [Запольских 2020: 165] и у староверов Северного Прикамья, в особенности в Антипинской общине (85 %) [Запольских 2021: 222].

В традиции у австрийцев Земплягашской СО был также отсчет 7–8 дней назад по календарю при выборе имени (число дней до дня рождения + сам день рождения), о чем свидетельствуют пики наречений в эти дни – 5 % и 2 % соответственно. Такая традиция известна и у других старообрядцев, которые применяли ее в отношении наречения девочек: у алтайских [Бломквист, Гринкова 1930: 30–31], забайкальских [Ваганова 2015: 331]. Здесь же мы видим, что не только девочек, но и мальчиков называли в честь святого, чьи именины стояли в календаре до дня рождения с указанным отсчетом в 7–8 дней. К примеру, сын четы Байдаровых из одноименной деревни, рожденный 20 октября (по старому стилю – здесь и далее), был крещен 27 октября, а назван в честь священномученика *Вениамина Персидского*, чьи именины приходятся на 13 октября. Еще пример: Кожевниковы из дер. Верх-Бардабашка назвали сына по именинам мученика *Порфирия Эфесского*, которые празднуются 15 сентября, хотя рожден он был уже 21 сентября, крещен – 22 сентября. Девочка из семьи Чалиных родом из с. Земплягаш родилась 10 мая и была названа по именинам мученицы *Мавры Фиваидской* – 3 мая. При этом дата «3 мая» записана в графу о дате ее крещения, что является письменным свидетельством практики отсчета 7–8 дней назад при выборе имени, поскольку крещение младенца раньше его появления на свет, как мы понимаем, не практиковалось. Примечательно, что у единоверцев Южного Прикамья такая традиция не выделяется.

О существовании на Руси средних веков практики отсчета 8 дней назад по календарю при выборе имени пишут некоторые историки, в том числе и в отношении наречения мальчиков [Горюшкина 2017: 45–46]. Причина появления отсчета назад, по всей видимости, кроется в «ограниченности» старого календаря: не каждая дата выпадала на празднование памяти святого, встречались и «пустые даты». Древнейшие восточные календари VII–IX вв., послужившие источником для календарей славянских, «содержат памяти известнейших святых не на все дни года» (ПМВ I: 14). Отдельные месяцесловы древнейших памятников русской письменности включали примерно от 100 до 300 агнионимов (имен святых). К примеру, месяцеслов Архангельского евангелия (XI в.) насчитывает 127 имен, Остро-

мирова евангелия (XI в.) – 231, Мстиславова евангелия (до 1117 г.) – 308 [Вуйтович 2001: 92]. Практически неизменным состав святых русско-го календаря оставался вплоть до конца XIV в., когда в результате второго южнославянского влияния и перехода на другой церковный Устав новая богослужебная литература пополнила месяцесловы новыми агнионимами и памятями святых [Лосева 2001: 62, 121]. Календарь расширялся и дальше, особенно в первой половине XVI в. благодаря стараниям митрополита Макария, издавшего Великие Четьи-Минеи, – сводный месяцеслов по минеям, житиям святых, прологам и т. д. (ПМВ I: 264–265). И все же минеи вплоть до самого раскола в XVII в. содержали еще около 47 «пустых дат» (там же: 274). Поэтому календарный принцип 8-го дня с отсчетом назад при зияющем «пробелами» дораскольном месяцеслове можно сравнить с зеркалом в тесной комнате, за счет которого создается эффект расширения пространства: 8-й день после рождения отзеркаливается значением 8-го дня до рождения, предоставляя более широкий маневр для выбора.

Предпосылкой применения счета назад по календарю при выборе агнионима могла стать известная на Руси древнеримская система счета от календ. Иногда особо важные события записывались нарочито усложненно: как на общераспространенный манер – счет дней с нарастающим порядком, так и на малораспространенный – счет назад по календам (см.: [Шапов 1978]). Встречаются и дни памяти святых, указанные счетом назад по календам в житийной литературе [там же: 341]. Таким образом, система древнеримского обратного счета, известная на Руси, могла послужить идеей для появления счета назад по календарю при выборе агнионима в отсутствие именин в «пустые даты».

То, что единоверцы Юга Прикамья не применяли отсчета 7–8 дней назад по календарю при выборе имени, соотносится с тем, что священники ЕЦ пользовались не только старообрядческим календарем при имянаречении, как о том был уговор со староверами, но и календарем «никонианским». Состав святых «никонианского» месяцеслова был существенно расширен, когда святитель Димитрий Ростовский издал Четьи-Минеи («Книгу житий святых», 1689–1705 гг.), которые заполняли последние «пустые даты» (ПМВ I: 274–275). Поэтому священники ЕЦ, выбирая имя по «никонианскому» календарю, не нуждались в отзеркаливании 8-го дня. Старообрядческий же священник не брал в руки «никонианский» календарь, испорченный ересями, каким его считают староверы. Старообрядческие святцы на 1910–1911 гг. (СМК), по нашим подсчетам, содержат 881 агнионим, на 1915 г. (СК) –

911, в то время как в святцах «никонианских» даже более раннего времени их число переваливает за тысячу: на 1807 г. (ПМ) – 1031, на 1845 г. (ПХМ) – 1046. Это наглядно демонстрирует расширение «никонианского» календаря.

Еще до раскола на Руси распространилась мысль о том, что греческие новопечатные книги искажены, поскольку после падения Константинополя (1453 г.) его патриархия оказалась под владычеством мусульман, утратила свое влияние на Православном Востоке, и греки отступили от старины в обрядах, поддавшись нововведениям – латинским ересям [Каптерев 1913: 152–156]. И хотя Собор 1654 г. предписал править богослужебную литературу по древним рукописным книгам – славянским и греческим, справщики Никона широко использовали новогреческие источники [Варакин 1910: 8–9]. Четьи-Минеи Дмитрия Ростовского также были составлены с активным привлечением западных источников (ПМВ I: 272). Так «никонианский» календарь, положивший их в свою основу, оказался, по убеждению старообрядцев, зараженным ересями, поскольку в нем появились «латинствующие памяти» и новые святые, не упоминавшиеся в прежних календарях. Макарьевские же Четьи-Минеи, изданные до раскола, воспринимаются старообрядцами как святыня, о чем в начале XX в. писал старообрядческий епископ Нижегородский и Костромской Иннокентий, будущий Митрополит Белокриницкий [Брачев 2016: 374].

На использование священниками ЕЦ «никонианского» календаря указывают случаи наречения в честь постраскольных святых (появившихся в русском календаре после раскола), встретившиеся у единоверцев Верх-Буевской ЕЦ. По именинам 10 мая святой *Таусии Египетской* у них названы 3 девочки. Эта святая отсутствует в древнерусских месяцесловах XI–XIV вв. [Лосева 2001], в минеях XI–XV вв. (РНБ. Ф. 351, Кир.-Бел. 295/552, ф. 550, Ф. п. I. 60. Ф. 728, Соф. 202, 203, 205, РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 112, 113, 115), в прологах XIV–XV вв. (РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 179) и в Макарьевских Четьях-Минеях (ГИМ, Син. 994). Закономерно отсутствует она и в старообрядческих святцах (СМК, СК). Однако уже постраскольные Четьи-Минеи Дмитрия Ростовского предписывают помянуть ее 10 мая (КЖС). Другой случай: по именинам 24 декабря было совершено наречение в честь *Клавдии Римской*, известной из жития ее дочери – преподобномученицы *Евгении Римской*, поминаемой в эту дату. Но если Четьи-Минеи Дмитрия Ростовского называют мать святой Евгении по имени (КЖС), то Макарьевские Четьи-Минеи ограничиваются лишь упоминанием ее как матери без имени (ГИМ, Син.

989). Так же только имя ее дочери указано в прологах XIV–XV вв. (РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 154, 155, 157, 160, 161, 162, 163, 166), в минеях XII–XVI вв. (РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 95, 97, 130; РНБ. Ф. 717, Сол. 519/538, 524/543; Ф. 728, Соф. 193) и в древнерусских месяцесловах XI–XIV вв. [там же]. Нет ее памяти и в старообрядческих святцах (СМК, СК). Таким образом, можно полагать, что наречение в честь Клавдии Римской вошло в традицию уже после раскола, когда 24 декабря вместе с Евгенией Римской стали помянуть по имени и ее мать Клавдию.

Формы имен также проливают свет на то, каким календарем пользовались священники. Те имена, которые соответствуют каноническим формам имен «никонианского» календаря и отличаются от форм календаря старообрядческого (ср.: ПМВ II, СМК), зафиксированы в 6 % случаев у единоверцев Верх-Буевской ЕЦ и в 5 % случаев у единоверцев Шагиртской ЕЦ. У старообрядцев Землягашской СО этот показатель составляет 1 %, что объясняется незначительным влиянием православного населения, проживавшего по соседству. Тот же 1 % православных календарных форм имен обнаружен у общинных староверов Среднего Прикамья [Запольских 2023: 148], а у общинных староверов Северного Прикамья они и вовсе отсутствуют [Запольских 2021: 223]. Примечательно, что к показателям в 5 и 6 % у единоверцев Юга Прикамья близка доля православных календарных форм имен у присоединенных из раскола староверов севера Прикамья – 7 % [там же]. Присоединя старообрядца, православный священник записывал его имя как ему привычно – «по-никониански», чем, по всей видимости, руководствовался и священник ЕЦ.

Так, например, удвоение согласных, нехарактерное для славянских языков в древности и потому утраченное в старинных формах имен, вновь обнаруживает себя в агниомах обновленного «никонианского» календаря. Его мы находим и у единоверцев: имя *Савва* соответствует форме *Савва* в «никонианском» календаре (ПМВ II), поскольку в старообрядческом – *Сава* (СМК). Аналогичная история с именами *Трифиллий*, *Архиппъ*, *Аполлинарiя* (ср.: ПМВ II, СМК, СК). Имена *Кодратъ* и *Адрианъ* в именнике единоверцев являются «восстановленными» вариантами греческих имен *Κόδρατος* и *Αδριανός* (SJS), которые утвердил постраскольный месяцеслов (ПМВ II), отказавшись от старых форм с эпентической согласной «н» – *Андрiанъ* и *Кондратъ*. Зато эти старые формы остались в старообрядческих святцах (СМК) и у австрийцев Землягашской СО: *Кондратъ* и *Андрiанъ-Андрeянъ*. Напротив, «невосстановленный» вариант *Фалалей* в метриках единоверцев, появившийся через

ассимиляцию гласных, соответствует форме имени из «никонианского» календаря (ПМВ II), в то время как старообрядческая календарная форма *Фалелей* (СМК) ближе к исходному греческому *Θαλλελαῖος* (SJS).

Еще одним указанием на использование священниками ЕЦ «никонианского» календаря является низкий уровень вариативности антропонимии и малая доля народных форм имен. К примеру, доля народных форм имен в старообрядческих общинах Пермской губернии XIX – начала XX в. составляет 40 % в Богородской, 21 % в Васильевской, 48 % в Мало-Загарской, 25 % в Стряпунинской [Запольских 2023: 148], 30 % в Антипинской и 83 % в Голяшевской [Запольских 2021: 223]. Метрики Земплагашской СО также показали значительную долю народных форм имен – 33 %, чего нельзя сказать о метриках из ЕЦ: 8 % – в Верх-Буевской и 7 % – в Шагиртской. Метрики местных православных церквей того времени также содержат меньшее, чем у староверов, число народных вариантов имен. Не исключаем здесь и роль писца, который по своему усмотрению мог выбирать форму имени для записи. Однако зачастую более единообразная запись в метриках обусловлена унифицированным «никонианским» календарем, в котором имена стараниями справщиков Никона были приведены к единому канону, что лишило множество старинных народных форм имен официального статуса. Старообрядцы же часто прибегали не только к современным им старообрядческим святцам, но и к дораскольным месящесловам, допускавшим вариативную запись агионимов [Запольских 2023: 151]. И если вариативная запись имен крещаемых младенцев еще активно практиковалась православными писцами несколько веков спустя книжной справы, то у исследуемых старообрядцев эта тенденция сохраняется и в первой трети XX в. Е. Н. Полякова, работавшая с обширной выборкой местной антропонимии, пишет о преобладании народных форм имен в официальных документах XVI–XVIII вв. [Полякова 2010: 138]. В метриках же православных церквей Пермской губернии за XIX–XX вв. наблюдается уже ровно противоположное. Поэтому высокая доля народных форм имен может выступать маркером старообрядческой антропонимии XIX–XX вв., чего в метриках Верх-Буевской и Шагиртской ЕЦ не наблюдается. К примеру, имя *Иоанн*, которым мальчиков называли чаще всего, во всех случаях наречения у единоверцев записано исключительно как *Йоаннь*. Земплагашские же метрики пишут известнейшее из русских имен палитрой побогаче: *Йоаннь / Иоанънь – Йоанъ / Иоан – Иванъ*. Фольклорная пара *Иван да Марья* (третье по популяр-

ности женское имя, по нашей статистике) стоят вместе только в именнике Земплагашской СО: народная форма *Марья* встречается у них даже чаще, чем *Марія*, при этом единоверческие метрики ограничиваются лишь последней формой. Второе по популярности мужское имя в именнике стабильно выглядит как *Василій* у единоверцев и варьируется как *Василии / Василий – Василей* у австрийцев.

В то время как священники ЕЦ нередко выбрали канонические «никонианские» формы имен, старообрядцы, не отложившие старые книги, избилующие народными формами имен, в бабушкин сундук, продолжали называть по ним – и называть вариативно, не стремясь заменить старые формы имен на новые. И даже в эпоху индустриализации в старообрядческой среде можно было шагнуть за границы своего времени и окунуться в колорит средневековья и древней Руси: у них встречается имя *Улита* (вместо *Їулитта* в (ПМВ II)) – как Улита Кучковна, княгиня XII в., связанная с легендой об основании Москвы; имя *Апраксия* (вместо *Евпраксія* в (ПМВ II)) – как Апракса Королевична, героиня средневековых русских былин; имя *Владимеръ*, записанное на старинный манер (вместо *Владиміръ* в (ПМВ II)), как оно встречается в летописях, повествующих о древнерусских князьях.

Народные варианты имен в Земплагашской СО отражают исторические способы адаптации заимствованных христианских имен. Упрощение групп согласных: *Констатинъ, Ксенефат, Евтолія, Елеферій* (вместо *Константинъ, Ксенофонтъ, Евстолия, Елевферій* в (СМК)); ассимиляция гласных: *Аграпина, Елесей, Елезавъта, Ксенефат, Клементъ, Мелетина*; наращение и усечение финали: *Ераст-а, Карп-а, Марк-о, Силан-т-ей* и *Антонъ, Епифанъ, Зосимъ* (вместо *Антон-ій, Епифан-ій, Зосим-а* в (СМК)) и т. д. Некоторые преобразования говорят о диалектных особенностях. Севернорусская мена финали *-ий > -ей*: *Артемей, Афанасей, Василей, Григорей* и пр.; севернорусское оканье (а > о): *Афонасий, Поросковья*; южнорусское аканье (о > а): *Евдакія, Ирадион, Капеталина, Конанъ, Якав*. Не зря происхождение старообрядцев юга, как установлено, – смешанное.

Вместе с тем налет древности не мешал именнику Земплагашской СО чутко реагировать на современные тенденции в русской антропонимии. 1920–1930-е гг. были отмечены бурным имятворчеством, заимствованием иностранных имен, введением в оборот имен из литературы и т. д. А. В. Суперанская сравнила этот процесс с «рекой, вышедшей из берегов» [Суперанская 2007: 66]. Но если общерусский именник захлестнули высокие волны, то до старообрядческого именника

дошла лишь легкая зыбь на воде. В записях земплярских метрик с конца 1920-х гг. чаще встречаются наречения в обход календарного метода: именины стоят далеко от 8-го дня по рождению. Родители записаны уже не как «крестьяне», а как «граждане», а вместо записи «совершено крещение» появляется светская формулировка – «совершен обряд». Всё это говорит о некотором послаблении в старообрядческой традиции наречения, поскольку секуляризация общества и дарование народу гражданских свобод повлияли на то, что выбор имени теперь мог быть и произвольным. При этом во многих случаях наречения в обход календарного метода это продиктовано модными тенденциями. Например, имя *Нина*, которое есть в месяцеслове, до конца 1920-х гг. не встречается в метриках, а с 1928 г. в Земплярской СО им называют трижды. В двух случаях именины выпадают на 5-й день по рождению, в одном – отстоят на месяц от дня рождения. Популярным это имя становится как раз в 1930-е гг. [Никонов 1974: 70]. Ранее не встречавшееся в метриках имя *Анатолий* выбирается дважды с 1928 г. В первом случае именины отстоят на 2 недели от дня рождения, а во втором – предшествуют ему за месяц. Бурный рост популярности этого имени в общерусском именнике того времени приводил к тому, что взрослые мужчины меняли на него свое имя в документах [там же]. Имя *Валентин*, популярность которого тогда набирала обороты, не встречается ранее 1928 г., когда его выбирают в Земплярской СО (именины стоят за 2 месяца до дня рождения). Также к влиянию моды можно отнести выбор таких распространенных советских имен, как *Геннадий*, *Викентий*, *Зоя*, *Лидия*. Не встречавшиеся в именнике ранее, теперь они прорываются в него в обход календарного метода. При этом выбираемые модные имена были исключительно православного происхождения, что говорит о том, что старообрядческий именник остался верен себе, не допустив в себя новых включений и сохранив свой «сад имен» в его первозданности, лишь позволив пересадить пару-тройку кустов из тени на свет. Выражаясь образно, ни заграничные *Роза* или *Лилия* (западноевропейские заимствования, омонимичные названию цветка), ни советский *Аир* (неологизм по инициалам революционера А. И. Рыкова, омонимичный названию растения) не потеснили произрастающих в этом «саду» веками *Фрола*, *Акинфа*, *Лавра*, *Хрисанфа* и пр. (христианские имена с растительно-цветочными значениями). В этом читается как устойчивость старообрядческих традиций имянаречения, так и их гибкость, обусловленная явлениями нового времени, что говорит об их жизнеспособности.

Результаты

Подводя итог, отметим, что традиции имянаречения у старообрядцев и единоверцев Южного Прикамья второй половины XIX – первой трети XX в. во многом схожи. К сходству относится раннее крещение на 3/4-й день с наречением именем, которое совершалось лицом в духовном сане. Вместе с тем у старообрядцев Земплярской общины практиковалось имянаречение с крещением на 8-й день по рождению. Выбор имени у старообрядцев и единоверцев осуществлялся по имени святого, почитаемого на 8-й день по рождению. Также в Земплярской общине могли назвать в честь святого, чьи именины стояли за 7–8 дней до дня рождения, что является частью русской традиции имянаречения еще с дораскольных времен.

Анализ антропонимии выявил, что единоверческие священники при имянаречении пользовались в том числе календарем «никонианским», на что указывают наречения в честь постраскольных святых, выбор канонических форм имен «никонианского» календаря, а также малая доля народных форм имен, поскольку для старообрядцев того времени характерна вариативная запись имен в метрике. В Земплярской общине доля старинных народных форм имен оказалась значительно выше, что мотивируется значимой для старообрядчества идеей связи времен. Среди наречений в советский период выявлены случаи, когда имя давалось в обход календарного метода, что зачастую было обусловлено модой на имена. Вместе с тем установлено, что земплярский старообрядческий именник советского периода не допустил в себя инородных включений: модные имена были традиционным агнионами из святцев, популярность которых лишь возросла в советское время.

Таким образом, можно заключить, что имянаречение у южноприкамских старообрядцев, продолжающее традиции дораскольной Руси, претерпело разные воздействия за рассматриваемый период. Во второй половине XIX в. антропонимия единоверцев испытала влияние «никонианского» календаря, а в советский период календарный принцип выбора имени в Земплярской общине потеснила мотивировка наречения модным именем. В общем контексте пермских старообрядческих традиций имянаречения южноприкамских старообрядцев отличает наречение по именинам 8-го дня по рождению с его зеркальной проекцией (отсчет назад по календарю).

Список источников

ГАПК – Государственный архив Пермского края.

ГИМ – Государственный исторический музей (Москва).

КЖС – Димитрий Ростовский. Книга житий святых: в 4 т. Киев: Тип. Киево-Печер. Лавры, 1764.

Иоанн Дамаскин. Источник знания / Творения преподобного Иоанна Дамаскина / пер. и коммент. Д. Е. Афиногенова [и др.]. М: Индрик, 2002. 414 с.

Краснова Г. М. К истокам чердынских и вишерских фамилий. Красновишерск, 2002. 594 с.

Палладий (Пьянков), еп. Обзорение Пермского раскола, так называемого «старообрядства». СПб.: Странник, 1863. 272 с.

ПЛДР – Житие Феодосия Печерского / подг. текста, пер. и прим. О. В. Творогова // Памятники литературы Древней Руси. XI – нач. XII в., 1978. С. 304–391.

ПМ – Полный месяцеслов всех празднуемых православною грековосточною церковию святых. СПб: Тип. Импер. АН, 1807. 140 с.

ПМВ – Спасский И. А. Полный месяцеслов Востока: в 2 т. М.: Тип. Совр. Изв., 1876, Владимир: Типо-Литограф. В. А. Паркова, 1901.

ПХМ – Полный христианский месяцеслов. Киев: Тип. Киево-Печер. Лавры, 1845. 504 с.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва).

РГБ – Российская государственная библиотека (Москва).

РИБ – Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Том 6. СПб.: Тип. Импер. АН, 1880.

РНБ – Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург).

СК – Старообрядческий календарь на 7423–7424 лето. М.: Изд-во Моск. Старообр. Братства Честного и Животворящего Креста Господня, 1915.

СМК – Старообрядческий месяцеслов-календарь. Уральск: Изд-во Уральской Старообр. Тип., 1910.

Шумилов Е. Н. Тимошка Пермитин из деревни Пермяки. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1991. 271 с.

SJS – Slovník jazyka staroslověnského. D. 1–4. Lexicon linguae palaeoslovenicae / hl. red. J. Kurz (sv. 1–2), Z. Hauptová (sv. 3–4). Praha: Nakl. Československé Akademie Věd, 1958–1997.

Список литературы

Бломквист Е. М., Гринкова Н. П. Кто такие бухтарминские старообрядцы // Бухтарминские старообрядцы: материалы комиссии экспедиц. исследований. СПб.: Изд-во Акад. наук СССР, 1930. Вып. 17. С. 1–48.

Боровик Ю. В. Личные имена новорожденных в екатеринбургских старообрядческих общинах

начала XX в. // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16, № 3. С. 30–47.

Брачев В. С. Великие Минеи Четии, собранные митрополитом Макарием. К истории публикации (1868–1917) // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2016. Вып. 5. С. 367–376.

Быковский И. К. История старообрядчества всех согласий. Единоверие, начало Раскола и Сектантства. М.: Тип. Филатова, 1906. 137 с.

Ваганова Е. В. Нематериальное наследие региона: церковно-обрядовые традиции старообрядцев Западного Забайкалья // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 07.08.2015–08.08.2015). Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2015. С. 329–337.

Варакин Д. С. Исправление книг в XVII столетии. При бывшем патриархе Никоне. М.: Типолит. И. Ф. Смирнова, 1910. 43 с.

Виноградов А. А. Старообрядцы Симбирско-Ульяновского Поволжья середины XIX – первой трети XX века: монография. Ульяновск: УВАУ ГА(И), 2009. 186 с.

Вуйтович М. Из истории параллельных христианских личных собственных имён в русском языке // Studia Rossica Posnaniensia. 2001. Вып. 29. С. 91–97.

Горюшкина Л. П. Историографические заметки к календарной стороне вопроса о крещении и имянаречении в средневековой Руси // Вестник ПСТГУ. Сер. 2: История. История Русской Православной Церкви. 2017. № 77. С. 41–56.

Запольских Е. В. Вариативность именника пермских старообрядцев Среднего Прикамья начала XX в. // Вопросы ономастики. 2023. Т. 20, № 3. С. 144–163. doi 10.15826/vopr_onom.2023.20.3.035

Запольских Е. В. Севернопермская традиция имянаречения у старообрядцев Пермского края XIX – нач. XX вв. // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. А. П. Майоров; отв. ред. С. В. Бураева (Улан-Удэ, 17–18 ноября 2021 г.). Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2021. С. 218–229.

Запольских Е. В. Старообрядческие имена жителей заводских поселений Пермской губернии XIX – нач. XX вв.: Традиция имянаречения // Филология в XXI веке. 2020. № 2(6). С. 161–166.

Иванец Э. Обряд крещения у старообрядцев в Польше // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 262–269.

Кантперев Н. Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов.

Время патриаршества Иосифа. 2-е изд. Сергиев Посад: Изд. М. С. Елова, 1913. 271 с.

Кузнецова Я. Л. Исетские старообрядческие имена в современном языковом сознании: структура, семантика, прагматика (на материале Первой всероссийской переписи 1897 г.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 18 с.

Лосева О. В. Русские месяцесловы XI–XIV веков / под ред. акад. Л. В. Милова. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 420 с.

Муратова Е. Ю. Именник старообрядческой общины на территории Миорского района Витебской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1994. 21 с.

На путях из Земли Пермской в Сибирь: очерки этнографии северноуральского крестьянства XVII–XX вв. / отв. ред. В. А. Александров. М.: Наука, 1989. 352 с.

Назаров А. И. Именник старообрядцев-поповцев земли Уральского казачьего войска // Вопросы ономастики. 2009. № 7. С. 81–99.

Никонов В. А. Имя и общество. М.: Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1974. 278 с.

Плотникова А. А. Заметки о региональной антропонимии староверов Латгалии // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16, № 3. С. 48–60. doi 10.15826/vopr_onom.2019.16.3.030.

Полякова Е. Н. История имен жителей Пермского края в XVI–XVIII веках: монография. Пермь: ПГУ, 2010. 280 с.

Суперанская А. В. Имя через века и страны / отв. ред. Э. М. Мурзаев. 2-е изд., испр. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 192 с.

Черных А. В. Традиционный календарь народов Прикамья в конце XIX – начале XX в. (по материалам южных районов Пермской области). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. 260 с.

Щанов Я. Н. Древнеримский календарь на Руси // Восточная Европа в древности и средневековье: сб. ст. / отв. ред. Л. В. Черепнин. М.: Наука, 1978. С. 336–345.

References

Blomkvist E. M., Grinkova N. P. Kto takie bukhtarminskie starobryadtsy [Who the Bukhtarma Old Believers are]. *Bukhtarminskie starobryadtsy* [The Bukhtarma Old Believers]: The Expeditionary Research Commission Materials. St. Petersburg, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1930, issue 17, pp. 1–48. (In Russ.)

Borovik Yu. V. Lichnye imena novorozhdennykh v ekaterinburgskikh starobryadcheskikh obshchinakh nachala XX v. [Personal names of newborns in the Old Believer communities of Ekaterinburg in the early 20th century]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2019, vol. 16, issue 3, pp. 30–47. (In Russ.)

Brachev V. S. Velikie Minei Chetii, sobrannye mitropolitom Makariem. K istorii publikatsii (1868–1917) [Great Miney Chety, collected by Metropolitan Macarius. About History of Publication (1868–1917)]. *Paleorosia. Drevnyaya Rus' vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh* [Paleorosia. Ancient Rus: in Time, in Personalities, in Ideas], 2016, issue 5, pp. 367–376. (In Russ.)

Bykovskiy I. K. *Istoriya starobryadchestva vseh soglasiy. Edinoverie, nachalo Raskola i Sektantstva* [The History of the Old Believers of all Denominations. Edinoverie, the beginning of Schism and Sectarianism]. Moscow, Publishing House of Filatov, 1906. 137 p. (In Russ.)

Vaganova E. V. Nematerial'noe nasledie regiona: tserkovno-obryadovye traditsii starobryadtsev Zapadnogo Zabaykal'ya [Intangible heritage of the region: Church and ritual traditions of the Old Believers of Western Transbaikalia]. *Starobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi: Materialy VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (07.08.2015 – 08.08.2015, Ulan-Ude)* [Old Believers: History and Modernity, Local Traditions, Russian and Foreign Relations: Proceedings of VI International Scientific and Practical Conference (August 7, 2015 – August 8, 2015, Ulan-Ude)]. Ulan-Ude, Buryat State University Press, 2015, pp. 329–337. (In Russ.)

Varakin D. S. *Ispravlenie knig v XVII stoletii. Pri byvshem patriarkhe Nikone* [The Correction of Books in the 17th Century. Under the Former Patriarch Nikon]. Moscow, Publishing House of I. F. Smirnov, 1910. 43 p. (In Russ.)

Vinogradov A. A. *Starobryadtsy Simbirsko-Ulyanovskogo Povolzh'ya serediny XIX – pervoy treti XX veka* [The Old Believers of the Simbirsk-Ulyanovsk Area of the Volga Region in the Mid-19th – First Third of the 20th Centuries]. Ulyanovsk, UCAI Publ., 2009. 186 p. (In Russ.)

Wójtovicz M. Iz istorii parallel'nykh khristianskikh lichnykh sobstvennykh imen v russkom yazyke [From the history of parallel Christian names in the Russian language]. *Studia Rossica Posnaniensia*, 2001, vol. 29, pp. 91–97. (In Russ.)

Goryushkina L. P. Istoriograficheskie zametki k kalendarnoy storone voprosa o kreshchenii i imyanarechenii v srednevekovoy Rusi [Historiographic Notes on the Calendar Aspect of Christening and Name-Giving in Medieval Rus']. *Vestnik PSTGU. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [St. Tikhon's University Review. Series II: History. Russian Church History], 2017, vol. 77, pp. 41–56. (In Russ.)

Zapol'skikh E. V. Starobryadcheskie imena zhitel'ey zavodskikh poseleniy Permskoy gubernii XIX – nachala XX vv.: Traditsiya imyanarecheniya [Old Believers' names of the inhabitants of factory

settlements in Perm Governorate of the 19th – early 20th centuries: The tradition of naming]. *Filologiya v XXI veke* [Philology in the 21st Century], 2020, vol. 2(6), pp. 161–166. (In Russ.)

Zapol'skikh E. V. Severnopermskaya traditsiya imyanarecheniya u staroobyadtsev Permskogo kraya XIX – nachala XX vv. [Northern Perm name-giving tradition among the Old Believers of Perm Krai in the 19th – early 20th centuries]. *Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi: materialy VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Ulan-Ude, 17–18 noyabrya 2021)* [Old Believers: History and Modernity, Local Traditions, Russian and Foreign Relations: Proceedings of VII International Scientific-Practical Conference (Ulan-Ude, November 17-18, 2021)]. Ed. by A. P. Mayorov, S. V. Buraev. Ulan-Ude, Buryat State University Press, 2021, pp. 218–229. (In Russ.)

Zapol'skikh E. V. Variativnost' imennika permskikh staroobryadtsev Srednego Prikam'ya nachala XX v. [Variability of Perm Old Believers' name system in the early 20th-century Middle Prikamye]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2023, vol. 20, issue 3, pp. 144–163. doi 10.15826/vopr_onom.2023.20.3.035. (In Russ.)

Ivanets E. Obryad kreshcheniya u staroobryadtsev v Pol'she [The ritual of christening among the Old Believers in Poland]. *Traditsionnaya dukhovnaya i material'naya kul'tura russkikh staroobryadcheskikh poseleniy v stranakh Evropy, Azii i Ameriki* [Traditional Spiritual and Material Culture of Russian Old Believers' Settlements in Europe, Asia and America]. Novosibirsk, 1992, pp. 262–269. (In Russ.)

Kapterev N. F. *Patriarkh Nikon i ego protivniki v dele ispravleniya tserkovnykh obryadov. Vremya patriarshestva Iosifa* [Patriarch Nikon and His Opponents in the Matter of Correcting Church Rites. The Time of Joseph's Patriarchate]. 2nd ed. Sergiyev Posad, Publishing House of M. S. Elov, 1913. 271 p. (In Russ.)

Kuznetsova Ya. L. *Isetskie staroobryadcheskie imena v sovremennom yazykovom soznanii: struktura, semantika, pragmatika (na materiale Pervoy vserossiyskoy perepisi 1897 g.)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Iset Old Believers' names in modern linguistics perspective: Structure, semantics, pragmatics (based on the materials of the first all-Russian census of 1897)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Saratov, 2006. 18 p. (In Russ.)

Loseva O. V. *Russkie mesyatseslovy XI–XIV vekov* [Russian Menologia of the 11th–14th Centuries]. Ed.

by L. V. Milov. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2001. 420 p. (In Russ.)

Muratova E. Yu. *Imennik staroobryadcheskoy obshchiny na territorii Miorskogo rayona Vitebskoy oblasti*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [The Old Believer community name system of the Miorsky district of the Vitebsk region. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Minsk, 1994. 21 p. (In Russ.)

Na putyakh iz Zemli Permskoy v Sibir': ocherki etnografii severnoural'skogo krest'yanstva XVII – XX vv. [On the Ways from the Perm Land to Siberia: Essays on the Ethnography of the North Ural Peasantry of the 17th – 20th Centuries]. Ed. by V. A. Aleksandrov. Moscow, Nauka Publ., 1989. 352 p. (In Russ.)

Nazarov A. I. Imennik staroobryadtsev-popovtsev zemli Ural'skogo kazach'ego voyska [Nominalia of the Popovtsy Old Believers on the Ural Kazak Army Territory]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2009, issue 7, pp. 81–99. (In Russ.)

Nikonov V. A. *Imya i obshchestvo* [Name and Society]. Moscow, 'Nauka' Publ., 1974. 278 p. (In Russ.)

Plotnikova A. A. Zametki o regional'noy antropimii staroverov Latgalii [Notes on the regional features of personal naming among the Old Believers of Latgale]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2019, vol. 16, issue 3, pp. 48–60. (In Russ.)

Polyakova E. N. *Istoriya imen zhiteley Permskogo kraya v XVI–XVIII vekakh* [History of Names of Perm Region Residents in the 16th–18th Centuries]: a monograph. Perm, Perm State University Press, 2010. 280 p. (In Russ.)

Superanskaya A. V. *Imya cherez veka i strany* [Name Through Centuries and Countries]. Ed. by E. M. Murzaev. 2nd rev. ed. Moscow, LKI Publ., 2007. 192 p. (In Russ.)

Chernykh A. V. *Traditsionnyy kalendar' narodov Prikam'ya v kontse XIX – nachale XX v. (po materialam yuzhnykh rayonov Permskoy oblasti)* [Traditional Calendar of the Kama Region Peoples at the End of the 19th – Beginning of the 20th Centuries (based on materials of the Southern Regions of Perm Oblast)]. Perm, Perm State University Press, 2002. 260 p. (In Russ.)

Shchapov Ya. N. *Drevnerimskiy kalendar' na Rusi* [Ancient Roman calendar in Russia]. *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e* [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages]: a collection of articles. Ed. by L. V. Cherepnin. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 336–345. (In Russ.)

South Prikamye Name-Giving Tradition Among Perm Old Believers and Edinovertsy of the Second Half of the 19th – First Third of the 20th Centuries

Evgeniya V. Zapolskikh

**Postgraduate Student at the Department of General Linguistics,
Russian and Komi-Permyak Languages and Methods of Teaching Languages
Perm State Humanitarian-Pedagogical University**

24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russian Federation. zapolskih.ev@mail.ru

SPIN-code: 7189-1816

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1926-559X>

Submitted 19 Jan 2024

Revised 25 Mar 2024

Accepted 17 Jul 2024

For citation

Zapolskikh E. V. Yuzhnoprikamskaya traditsiya imyanarecheniya u permskikh starobryadtsev i edinovertsev vtoroy poloviny XIX – pervoy treti XX veka [South Prikamye Name-Giving Tradition Among Perm Old Believers and Edinovertsy of the Second Half of the 19th – First Third of the 20th Centuries]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 3, pp. 50–61. doi 10.17072/2073-6681-2024-3-50-61 (In Russ.)

Abstract. The paper studies the name-giving tradition among Perm Old Believers and Edinovertsy of the second half of the 19th – first third of the 20th centuries living in the upper reaches of the Bui River and its tributaries (modern Kuedinsky District in the south of Perm Krai). The research material included birth records in the metric books from the Old Believer's church in Zempliyagash village and from Edinoverie churches in the villages of Verkh-Bui and Sary Shagirt. The analysis was aimed at identifying similarities and differences in these traditions. It has been established that both groups are characterized by early baptism on the 3rd/4th day with the giving of a name (performed by a person in clergy) and by the choice of a name based on the menologium (the child was named after the saint revered on the 8th day after the child's birth). At the same time, the Old Believers of the Zempliyagash community practiced baptism with name-giving on the 8th day after birth, and they could give a name in honor of a saint whose name day was 7–8 days before the child's birthday, which was part of the Russian name-giving tradition since pre-schism times. The analysis of anthroponymy revealed that the Edinoverie priests also used the Nikonite calendar, as evidenced by the naming in honor of post-schism saints, by the choice of canonical forms of name from the Nikonite calendar, as well as by a small proportion of modified forms, since Old Believers of that time practiced variable recording of names in metric books. The proportion of modified name forms in the Zempliyagash community is much higher, and their origin is connected with the times 'before the schism', which is motivated by the idea of the connection of times, significant for the Old Believers. Cases of naming by popular names in the Soviet period without reference to the calendar show both the flexibility of the anthroponymic system and its stability, since all popular names were traditional agionyms from the menologium.

Key words: Old Believers; Edinovertsy; regional Russian anthroponymics of the South Prikamye; name-giving tradition; metric books; menologium; pre-schism calendar.